

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

КРЕСТОЦЕЛОВАЛЬНЫЕ ЗАПИСИ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА СТАРИЦКОГО И НЕДОШЕДШЕЕ ЗАВЕЩАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Д. Н. АЛЬШИЦ

В 1553 г. при дворе Ивана Грозного произошли большие события.

По одним источникам (более поздним), в марте 1553 г. разразился открытый боярский «мятеж». По другим источникам (более ранним), имел место лишь опасный тайный заговор. Выяснение вопроса о том, что же именно происходило, имеет значение, далеко выходящее за пределы установления самого факта — «мятеж» или тайный заговор.

Источник, говорящий о том, что был «мятеж», связывает с этим явлением ход дальнейших политических событий 50—60-х годов. Поскольку именно этот источник лег в основу традиционной концепции исторического развития Русского государства того периода, от выяснения истинного хода событий в значительной степени зависит правильность наших представлений о крупнейших социальных и политических сдвигах 50—60-х годов XVI в.

Анализ трех крестоцеловальных записей князя Владимира Андреевича, взятых от него во время болезни царя в марте 1553 г. и затем в апреле и мае 1554 г.¹, позволяет сделать ряд существенных наблюдений. Текст этих крестоцеловальных записей меняется три раза. Все три записи ссылаются на завещание Ивана Грозного. Первая — всего один раз, по вопросу об Ордынских и Крымских походах. Во второй и третьей записях, в 1554 г., сделано по 11—12 ссылок на «душевную грамоту» царя. При этом существенно, что некоторые очень важные ссылки апрельской и майской записей 1554 г. различаются между собой по содержанию. Из этого следует, что не только Владимир Андреевич три раза давал различные крестоцеловальные записи, но и царь трижды менял свое духовное завещание.

Формальным поводом для замены крестоцеловальной записи Владимира Андреевича и духовной грамоты Грозного в 1553 г. была смерть царевича Дмитрия и рождение царевича Ивана, на которого они должны были быть переписаны. Но такая формальная замена предполагала бы лишь подстановку имени одного наследника вместо другого. Можно, однако, с полным основанием утверждать, что духовная, на верность которой взята запись в апреле 1554 г., резко отличалась от духовной марта 1553 г. включением в нее ряда моментов, ранее отсутствовавших. В мае в духовной царя опять появились изменения.

Важнейшим новым моментом, который вводит апрельская целовальная запись 1554 г. является обязательство Владимира Андреевича «донести» в случае, если его мать княгиня Ефросинья начнет «умышлять какое-либо лихо» против бояр и дьяков, которые перечислены в «душевной грамоте» царя². Значит, весной 1554 г. Иван Грозный завещал на случай своей смерти состав удобного ему правительства. Тогда Иван Грозный был здоров и молод и духовная совершалась на всякий случай, «впрок». Написание при этих условиях в духовной списка правительства из числа наиболее приближенных и доверенных лиц свидетельствует, что в этот момент — весной 1554 г. —

¹ СГГД, ч. I, М., 1813, №№ 157, 168, 169.

² Ссылка на такой список, содержащийся в «душевной грамоте», делается в апрельской целовальной записи дважды, равно как и в майской.

отношения царя с этим кругом лиц были отношениями полного доверия. Содержание этого списка правительствующих и особо приближенных к царю лиц известно из другого источника, не только по состоянию на май, но даже и позже, на июль 1554 г. Судьбу всех перечисленных в этом списке лиц мы можем точно проследить и дальше, до самого конца политической карьеры каждого из них, и поэтому знаем, что все они еще долго продолжали оставаться ближайшей опорой царя Ивана³.

Когда в июле 1554 г. заговор Ефросиньи Старицкой, Семена Ростовского и других был окончательно раскрыт и ряд участников его арестованы, царь создал правительственную комиссию для следствия и суда над заговорщиками. Нет никакого сомнения в том, что приближенные, на которых была возложена задача раздавить заговор, стремившийся возвести на престол Владимира Андреевича, и приближенные, на которых сыслагается целовальная запись, взятая с Владимира Андреевича, как на людей, без которых он не имеет права что-либо предпринимать — одни и те же лица. Список этих людей читается в приписке к Синодальному списку о заговоре Семена Ростовского, сделанной к изложению событий июля 1554 г.: «И царь и великий князь, видя такую злую его измену, послал бояр своих князя Ивана Федоровича Мстиславского, Ивана Васильевича Шереметева Большого, князя Дмитрия Ивановича Курлятева, Михаила Яковлевича Морозова, князя Дмитрия Федоровича Палецкого, окольного Алексея Федоровича Адашева, постельничего Игнатъя Вешнякова, да бояр же Данила Романовича, Василья Михайловича Юрьевых, казначая Микиту Фуникова, дьяка Ивана Михайлова: а велел его распросити, а доведетца пыткою пытати...»⁴. Возможно, что в духовных грамотах царя, кроме них, упомянуты еще и некоторые другие ближайшие его соратники, которым он завещает осуществлять правительственную деятельность (быть может, Сильвестр?) — этого мы не знаем.

Как известно, все перечисленные здесь лица составляли и в 1553—1554 гг. «ближнюю думу» царя⁵.

В свете сказанного особенно отчетливо видна несостоятельность точки зрения, считавшей позднюю приписку к «Царственной книге» об открытом «мятеже» 1553 г. достоверной. Доверяя приписке, утверждающей, что «мятеж» 1553 г. действительно имел место, что ряд членов Ближней думы примкнули к мятежникам и т. д., мы оказались бы перед тяжелым выбором: если предположить, что уже в духовной 1553 г. содержался список поименованных выше лиц, указанных в качестве доверенного правителя на случай смерти царя, тогда получается, что Фуников, Курлятев и Палецкий взбунтовались против самих себя; если же предположить, что в духовной 1553 г. этот список еще не был приведен, тогда получается и вовсе невероятная ситуация: Адашев, Фуников, Курлятев и Палецкий взбунтовались против царской воли в марте 1553 г., а после этого царь в мае и апреле 1554 г. дважды пишет им в свои новые духовные грамоты в числе лиц, которым он завещает правление государством при его малолетнем наследнике, а еще через месяц поручает им судить их же сподвижников по мятежу.

Понятно, что ни то, ни другое предположение недопустимы, и что версия приписки «о мятеже» и его участниках не сообразуется с объективными данными источников⁶.

Крестцеловальные записи 1554 г. как апрельская, так и майская, ссылаясь опять-таки на духовные грамоты царя, предусматривают, что в случае его смерти, Владимир Андреевич назначается вместе с митрополитом регентом-правителем государства⁷. В целовальной записи марта 1553 г. об этом ничего не говорится. То, что исследователи проходили мимо этого важнейшего элемента целовальных записей и духовных царя, написанных в 1554 г., объясняется, видимо, впечатлением от утверждения поздней и явно искажающей действительность приписки к «Царственной книге» о

³ Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. «Исторические записки», т. 25, стр. 279—283.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 238, прим. 2.

⁵ С. В. Бахрушин. «Избранная рада» Ивана Грозного. «Исторические записки», т. 15, стр. 29—56. В числе лиц, вошедших в правительственную комиссию по расследованию и ликвидации заговора, из ближних бояр 1553 г. не хватает только князя Владимира Ивановича Воротынского, умершего в 1553 г.

⁶ См. Д. Н. Альшиц. Указ. соч.

⁷ До двадцатилетия наследника. СГГД, ч. I, № 168, стр. 463.

«мятеже» 1553 г., которая заключается словами: «И оттоле быть вражда велия государю с князем Володимиром Андреевичем, а в боярех смута и мятеж, а государству почала быти во всем скудость»⁸. Между тем совсем не «оттоле» государству «почала быти во всем скудость», равно как совсем не «оттоле», т. е. не с 1553 г., «быть вражда велия государю с князем Володимиром Андреевичем...»; все это имело место гораздо позже.

Крестоцеловальные записи 1554 г., по сравнению с записью 1553 г., если их читать без предвзятой точки зрения, подсказанной поздней и тенденциозной припиской к «Царственной книге», являются документами, свидетельствующими о возросшем по какой-то причине (мы объясним ниже — почему) доверии к Владимиру Андреевичу. В этих записях к нему обращен ряд ограничений — не делать того-то и того-то. Но это неизбежное следствие той значительной роли, которая ему отведена. Велики обязанности, накладываемые царем на Владимира Андреевича, и велики обязательства, которые в ответ на них дает Владимир Андреевич.

В записях 1554 г. содержится еще один важный момент, который обычно также толкуется под углом зрения того, что вражда царя к Владимиру Андреевичу в тот период бесспорна, что князь Старицкий находился тогда в положении опального и что целовальные записи его только ущемляют. Владимир Андреевич в апрельской записи обещает: «А которые ми Бояре и дьяки Ваши и всякие люди чем ни згрубили при тебе Государе моем Царе и Великом князе Иване: и мне тех им грубостей не помстити никому ничем...»⁹. Мы видим тут заботу царя о том, чтобы на основании каких-либо столкновений не нарушилось единодушие Владимира Андреевича, несколькими строками выше названного регентом при наследнике, и правительства, поименованного в «душевной грамоте». До нас дошла только целовальная записка Владимира Андреевича, т. е. одна сторона договора. Надо полагать, что в духовной царя, где говорится о правах, завещанных им Владимиру Андреевичу, есть требование к этим «боярам, дьякам и всяким людям» в свою очередь лояльно относиться к князю-регенту.

Интересно, что одно из существеннейших отличий майской записи 1554 г. от апрельской заключается именно в этом месте текста. Владимира Андреевича не удовлетворяла такая формулировка его взаимоотношений с правительством, по которой ему отводилась позиция смиренного терпения: «сгрубили» в прошлом — забудь, а как будет в будущем — вообще не оговорено. Поэтому в майской редакции записи текст дополнен так: «А которые ми Бояре и дьяки сына твоего чем погрубят — и мне самому им не мстити ничем, а бити на них челом сыну твоему и матери его»¹⁰. — т. е. указывается на официальный путь управы с «погрубившими» боярами и дьяками.

Особый интерес представляет постановка крестоцеловальными записями 1554 г. вопроса о взаимоотношениях Владимира Андреевича с матерью — Ефросиньей. Сын дает обещание не послушать и предать властям свою мать, если она начнет «умышлять лихо».

Можно согласиться с И. И. Смирновым в том, что крестоцеловальные записи 1554 г. отражают имевшие место события, написаны под впечатлением и под влиянием их¹¹. Не будет ли это в применении к данному вопросу означать, что такое обещание сына — донести о своей матери — основано на прецеденте? Не Владимир Андреевич ли раскрыл царю заговорщическую деятельность своей матери, когда она попыталась его «наводить на лихо»? В этом случае легко представить себе, в обмен на какое обещание царя Владимир Андреевич сообщил ему эти важные данные: обещание простить и пощадить мать на сей раз. Мы и знаем, что Ефросинья не была судима и наказана Адашевым, Фуниковым, Курлятевым и другими членами правительственной комиссии по раскрытию и разгрому ее заговора с Семеном Ростовским и другими, несмотря на то, что ее активная роль была следствием полностью выявлена¹². В приписке царя, описывающей заговор Семена Лобанова-Ростовского говорит-

⁸ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 526.

⁹ СГД, ч. I, № 168, стр. 463.

¹⁰ Там же, № 169, стр. 467.

¹¹ И. И. Смирнов, Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. «Исторические записки», т. 43, стр. 158 (далее Указ. соч.).

¹² ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 238, прим. 2.

ся, что С. Ростовского «отговорил» от смертной казни митрополит Макарий. Быть может Ефросинью «отговорил» от наказания ее сын Владимир Андреевич?

При таком предположении становится понятным не ясное до сих пор обещание Владимира Андреевича «сказать... те ее речи сыну твоему, который на государстве будет и матери его, в правду без хитрости»¹³. Почему это обещание донести на мать дается только сыну царя, а не самому Ивану? Объяснение, как нам кажется, лежит в самой конструкции текста записи: сначала идут обязательства верности царю, а затем обещание, что и после его смерти Владимир Андреевич будет «держати сына твоего царевича Ивана... в твое место». Смысл такой конструкции применительно к данному вопросу должен означать: обязуюсь доносить твоему сыну о злоумышлениях моей матери в будущем так же честно, как сообщил о них тебе сейчас. Известно, что и в 1567 г. Владимир Андреевич подал царю список заговорщиков, втягивавших его в новый заговор. Дружба и неразлучность, многочисленные благодарности и награды — таков засвидетельствованный источниками характер отношений царя к Владимиру Андреевичу как до, так и после 1553 г.¹⁴ Крестоцеловальные записи 1554 г. выражают в обычных для того времени формулах юридического акта тоже отнюдь не враждебные отношения.

Поскольку исследуемые крестоцеловальные записи рассматриваются в статье И. И. Смирнова о боярском «мятеже» 1553 г. как «главный аргумент» в пользу реальности этого события¹⁵, нам необходимо вкратце остановиться на основных положениях этой работы.

В опубликованном в 1953 г. исследовании И. И. Смирнова «Московское восстание 1547 года»¹⁶ автор занимает совершенно определенную и верную, на наш взгляд, позицию в отношении основного источника, повествующего о восстании — приписок к «Царственной книге», солидаризируясь фактически с нашей точкой зрения¹⁷.

По его мнению, приписки исказили истинную картину восстания, тенденциозно изображая дело так, будто оно вспыхнуло под влиянием подстрекательства бояр, а не в результате безудержной эксплуатации народных масс Глинскими. Недостоверность и необъективность рассказа приписок И. И. Смирнов раскрывает на многочисленных примерах и неоднократно подчеркивает¹⁸. Однако в том же 1953 г. И. И. Смирнов печатает упомянутую выше статью «Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 года», которая построена на совершенно противоположном подходе к тому же самому источнику. В данном случае И. И. Смирнов считает бесспорной высокую степень достоверности рассказа приписок к «Царственной книге», оставляя при этом в стороне вопрос об авторе этого основного источника для изучения «мятежа»¹⁹, в то время как без решения этого последнего вопроса нельзя судить и о степени достоверности приписок. Если даже не признавать автором этого рассказа Ивана Грозного, то уж никак нельзя отрицать, что автор рассказа о «мятеже» 1553 г. и автор рассказа о восстании 1547 г., а равно и еще около ста приписок к летописи — один и тот же человек. А раз это один и тот же человек, значит оценка его работы над приписками в целом полностью относится и к его работе над повествованием о «мятеже» 1553 г.

Но сам И. И. Смирнов недолго удерживается на позиции признания рассказа приписки о «мятеже» «высоко достоверным» источником, несколько раз уличая автора

¹³ СГГД, ч. I, № 169.

¹⁴ См. «Материалы по истории СССР», II, Документы по истории XV—XVII вв., М., 1955, «Пискаревский летописец», лл. 527, 528, 548—549, 552, 563; там же, «Сокращенный временник», л. 250об.

¹⁵ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 158, прим. 23.

¹⁶ И. И. Смирнов. Московское восстание 1547 года. «Вопросы истории», 1953, № 12, стр. 105—113.

¹⁷ И. И. Смирнов везде называет свой источник: «Царственная книга», имея, однако, в виду приписки к ней, сделанные, как мы полагаем, рукой Ивана Грозного. См. Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к Лицевым сводам его времени. «Исторические записки», т. 23; его же. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г.; его же. Приписки к Лицевым летописным сводам XVI в., Автореферат канд. дис., Л., 1947; его же. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. «Труды Гос. публичной б-ки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина», Л., 1957, т. I(IV), стр. 136—141.

¹⁸ И. И. Смирнов. Московское восстание 1547 года, стр. 106—107, 108, 109, 112.

¹⁹ Там же, стр. 158, прим. 23.

рассказа о «мятеже» в искажении фактов и справедливо обнаруживая явное извращение действительности в самой главной, результативной части его изложения: «Царственная книга заключает рассказ о мартовских событиях 1553 г.,— пишет И. И. Смирнов,— указанием на то, что «оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Андреевичем, а в боярех смута и мятеж, а царству почала быть во всем скудость»²⁰. Напомним, что ради этого вывода и написан весь рассказ, в этих словах цель, смысл и значение всего, что в нем сказано²¹. Но, как свидетельствует И. И. Смирнов, «замечание о начале «скудости» в русском царстве... стоит в явном противоречии с экономическим и политическим положением Русского государства в 50-х годах XVI века...»²². Выходит, что автор приписки вводит нас в заблуждение, стараясь убедить своим рассказом в том, что «стоит в явном противоречии» с действительностью. Понятно, что только оставляя в стороне подобные моменты рассказа, можно говорить о его бесспорной и высокой объективности²³.

Утверждая, что открытый «мятеж» в 1553 г. действительно имел место, а не является позднейшей выдумкой, И. И. Смирнов в качестве доказательства этому приводит показания князя Семена Лобанова-Ростовского, данные на суде в 1554 г.²⁴. «Как государь недомогал, и мы все думали о том, что толко государя не станет, как нам быти. А ко мне на подворье приезживал ото княгини от Офросиньи и от князя Володимера Андреевича, чтобы я поехал ко князю Володимеру, служит да и людей презывал; да и со многими есмь думами²⁵ бояре: толко нам служити царевичю Дмитрею, ино нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, ино лутчи служити князю Владимеру Андреевичу. А были в той думе многие бояре: и княз Петр Щенятев и княз Иван Турунтай Пронской, и Куракины родом, и княз Дмитрий Немой, и княз Петр Серебряной, княз Семен Микулинский и иные многие бояре и дети боярские и княжата и дворяне с нами в той думе были». Однако И. И. Смирнов не указывает на то, что показания Семена Ростовского написаны рукой того же автора что и приписки к «Царственной книге» о мятеже 1553 г., но в другое время и в другом месте. Они читаются в приписке этого автора, сделанной на несколько лет раньше, чем писался рассказ о «мятеже», на Синодальном списке Никоновской летописи²⁶. Не менее важно было бы отметить, что тогда приписка о показаниях сделана ее автором под 1554 г., где шла речь о раскрытии заговора Семена Ростовского, и после того, как этот будущий автор рассказа о «мятеже» пропустил без единой пометки или приписки летописное изложение событий 1553 г., ничего не говорящее о «мятеже».

Наконец, самое важное, что необходимо было отметить, это то, что весь этот рассказ о заговоре Семена Лобанова-Ростовского стоит в полном противоречии с рассказом о «мятеже». И. И. Смирнов, цитируя показания, обрывает цитату точно в том месте, где начинается текст, опровергающий и рассказ приписки о «мятеже» и вместе с ним построение самого И. И. Смирнова. Дальше в цитированном тексте сразу же после слов «с нами в той думе были...» говорится: «...и как бог государя помиловал и облегченье ему дал и мы меж себя почали говорить чтобы то дело укрят, а на подворье к мне приезживал и Семен Морозов, а яз страху с того времени учял мыслити в Питву»²⁷.

Из приведенного здесь текста и из всего этого рассказа в целом ясно вытекает, что в 1553 г. во время болезни царя существовал тайный заговор, который после выздоровления царя естественно хотели «укрыть». Согласно этому рассказу, расстановка участников событий 1553 г.— тайных заговорщиков, с одной стороны, и преданных царю людей, с другой,— абсолютно несовместима с расстановкой участников

²⁰ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 171, 172, 176.

²¹ См. Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г., стр. 287—289.

²² И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 172—173.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 159.

²⁵ В статье И. И. Смирнова опечатка, следует читать «думали».

²⁶ Так называемый Синодальный список, переписанный начисто с учетом приписок этого автора и превратился в «Царственную книгу», на которой тот же автор сделал новые приписки, в том числе о «мятеже» 1553 г.

²⁷ ПСРЛ. т. XIII, ч. I, стр. 238. прим. 1.

«мятежа» в рассказе, написанном тем же автором позднее. Таким образом, И. И. Смирнов попытался привести в соответствие два одновременных и противоречивых рассказа автора приписок, сделав это путем выборочного цитирования.

Много внимания И. И. Смирнов уделяет анализу «сложной и противоречивой позиции» во время «мятежа» Сильвестра и Адашева. Действительно, в рассказе автора приписки о «мятеже», на доверии к которому настаивает И. И. Смирнов, позиция Адашева и Сильвестра не только сложна и противоречива, но и вообще немыслима с точки зрения известных объективных фактов.

Если, как утверждает И. И. Смирнов, Сильвестр и Адашев вмешались в борьбу на стороне бояр «мятежников», что означало «конец их политической карьеры, конец их как политических деятелей»²⁸, то как же могло случиться, что «конец» Адашева и Сильвестра, как политических деятелей, относится только к концу 50-х годов? Как же случилось, что Адашев еще много лет продолжает руководить правительством и проводит важнейшие реформы 50-х годов? Как случилось, что вместо «конца политической карьеры» Адашев спустя год разоблачает и судит Семена Ростовского и других тайных заговорщиков 1553 г., в союзе с которыми он, по мнению И. И. Смирнова, находился и, следовательно, должен был быть вместе с ними наказан?²⁹

С. О. Шмидт в специальном исследовании тщательно прослеживает правительственную деятельность Адашева: «...поведение А. Ф. Адашева в марте 1553 года было таково,— пишет С. О. Шмидт,— что царь Иван не имел оснований сомневаться в его преданности...»³⁰. Именно в апреле 1554 г. Адашев достиг особого могущества при дворе Грозного³¹. Этот вывод полностью подтверждает приведенное выше положение, что именно Адашев и его сподвижники в апреле 1554 г. были названы в завещании царя в качестве удобного ему правительства на случай его смерти.

Не только Адашев и Сильвестр, а все так называемые «мятежники» благополучно продолжали существовать после 1553 г. в прежних ролях, пока не попали в разное время в опалу по совершенно конкретным делам каждый³². В единый лагерь мятежников, изменников и опальных их собрало время, протекшее между 1554 г., когда одни из них судили других, и 1566—1567 гг., когда составлялись приписки к «Царственной книге», автор которых теперь судил их всех сразу. Позиция Адашева и Сильвестра в событиях 1553 г. очень ясна; оба они твердо и уверенно поддерживали Грозного когда он был здоров и также твердо и уверенно вели государственные дела, когда он был болен.

Только на тайный, глубоко «укрытый» заговор могли пойти враждебные правительству силы. Однако и о тайном заговоре стало известно весной 1554 г. Начался сыск. К июлю 1554 г. один из главных участников заговора Семен Лобанов-Ростовский, прослышавший о начавшемся сыске, успел сделать выводы из крестоцеловальной записи Владимира Андреевича, данной в мае 1554 г. и в страхе перед разоблачением пытался бежать в Литву.

Рассмотрев эти вопросы, мы вплотную подошли к анализу содержания крестоцеловальных записей Владимира Старицкого, как источников для изучения событий 1553—1554 гг. Ценность этих документов, по меткому выражению И. И. Смирнова, состоит в том, что они «отражают в формулах юридического акта основные моменты...политической ситуации» своего времени. Это именно так. Крестоцеловальные записи отразили и не могли не отразить реальную политическую ситуацию. Но они не отразили и не могли отразить политическую ситуацию, сложившуюся через 15 лет после их написания, не отразили и не могли отразить легенды о «мятеже» 1553 г., сочиненной под влиянием той новой политической ситуации, которая сложилась во второй половине 60-х годов. Поэтому нельзя согласиться с И. И. Смирновым, который видит в них подтверждение этой позднейшей легенды³³.

²⁸ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 167, 166.

²⁹ И. И. Смирнов сам приводит данные о том, что А. Ф. Адашев вместе с И. М. Висковатым — неперемные участники всех дипломатических переговоров с 1552 по 1559 гг. (И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 162, прим. 31).

³⁰ С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. «Ученые записки МГУ», кафедра истории СССР, вып. 167, М., 1954, стр. 36.

³¹ Там же, стр. 37.

³² Судьбы каждого из них прослежены нами в работе «Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г.»

³³ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 158, прим. 23.

Обратившись к тексту крестоцеловальных записей, которые И. И. Смирнов считает «главным аргументом» в пользу достоверности рассказа о «мятеже», мы увидим, что они отражают «в формулах юридического акта» заботу Грозного о предупреждении именно тайных заговоров.

В крестоцеловальных записях 1554 г. мы читаем: «А по грехом мать моя, княгиня Ефросинья учнет мя наводити на которое лихо сына твоего царевича Ивана и на мать его лихо, или иной которой твой сын на государстве будет, учнет мя наводити на того сына лихо: и мне матери своей, княгини Ефросиньи, в том ни в чем не слушати, а сказати ми те речи сыну твоему, которой на государстве будет и матери его в правду без хитрости. А хотя мя мать моя и не учнет наводити на лихо, а взведаю, что мать моя сама захочет которое лихо учинити, или умышляти начнет которое лихо над сыном твоим и над матерью его, или над его Бояры и дьяки, которые в твоей, государя нашего, душевной грамоте писаны: и мне то лихо матери своей сказати сыну твоему и матери его в правду без хитрости, а не утайти мя того никак ни которыми деля, по сему крестному целованию»³⁴. Здесь (и еще пять раз в тексте записи) сформулировано требование не «утайти». Тайного заговора — вот чего больше всего, естественно, опасалось правительство Ивана Грозного. Во-первых, потому, что «путь открытого вооруженного выступления был явно безнадежным делом в 1553 году!»³⁵, а тем более в 1554 г., когда царь был здоров. Во-вторых, и это главное, потому, что правительству стали известны данные об опасном тайном заговоре во время болезни царя в прошлом, 1553 г.

Свежее впечатление от этого разоблачения так и сквозит в каждой строке записи. Ее текст явно перекликается с показаниями об этом заговоре Семена Лобанова-Ростовского. В показаниях говорится, что заговорщики были возмущены тем, что Иван Грозный женился на Анастасии Романовой³⁶. Запись требует в случае смерти царя полного и безоговорочного признания ее царицей и послушания ей³⁷. В показаниях говорится, что заговорщики были возмущены тем, что царь окружил себя «молодыми людьми» и ими «теснит» людей великих родов. Запись оговаривает признание Владимиром Андреевичем власти бояр, дьяков и «всех людей» царя и сына его. Таким образом, запись призвана защищать этих «молодых людей»: Адашевых, Висковатых, Вешняковых и им подобных. Именно они указаны в числе вскрывших заговор и допрашивающих Семена Ростовского. Именно о них печется царь в крестоцеловальной записи, взятой при начале раскрытия заговора. В показаниях Семена Лобанова-Ростовского на первом месте как организатор заговора фигурирует Ефросинья Старицкая. В записи точно так же, и более того — Владимиру Андреевичу предлагается доносить на свою мать, если она вновь «захочет которое лихо учинить».

Следует подчеркнуть, что из всего контекста записи, и из процитированного отрывка в особенности, создается впечатление о явно пассивной роли Владимира Андреевича в заговоре. В показаниях Семена Ростовского он упоминается после своей матери, как имя, а не как деятель. Важно, однако, учесть, что до конца заговор был раскрыт после взятия записи, а приписка, содержащая эти показания, была написана вообще много лет спустя³⁸, и, таким образом, данные о роли Владимира Андреевича в заговоре могли пополниться, а взгляд на нее — перемениться.

Как видим, содержание крестоцеловальной записи, составленной весной 1554 г. и содержание материалов следственного дела о тайном заговоре, начавшем вскрываться в это же время, полностью совпадают. Через несколько недель после того, как была составлена эта запись, явно показавшая, что заговор 1553 г. раскрыт, и, видимо, как только о ней стало известно, главные участники заговора стали организовывать побег за границу, — этот факт не менее показателен. Не раньше, не после «мятежа» в 1553 г., а именно после этой записи, и не Адашев, не Сильвестр, не другие так называемые «мятежники», а именно Семен Ростовский и его сообщники по тайному заговору хотели бежать в Литву³⁹. Изменения в крестоцеловальных записях 1554 г., по

³⁴ СГГД, ч. I, № 169, стр. 467.

³⁵ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 160.

³⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 238, прим. 2.

³⁷ СГГД, ч. I, №№ 168, 169.

³⁸ См. Д. Н. Алъшиц. Иван Грозный и приписки к Лицевым сводам его времени.

³⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 238, прим. 2.

сравнению с записью 1553 г., вопреки мнению И. И. Смирнова⁴⁰, вызваны не фактом боярского «мятежа» в 1553 г., а совершенно иными обстоятельствами. Новые записи расширяют круг лиц, на верность которым дается обязательство: в первой записи значился один царевич Дмитрий, теперь, после смерти Дмитрия, новорожденный царевич Иван и «иной какой сын будет после тебя». Однако это изменение не имеет никакого отношения к мятежам.

В новых записях дано иное, чем в первой, толкование «добра и лиха». Вместо традиционного требования сообщать все касающееся царя и его наследника о «добре», или «лихе», слышанное от «христианина», «литвина», или «иноверца», теперь новая формула: «А что ми слышев о твоём добре... или о лихе от кого ни буди (!)», далее идет перечень основных категорий должностных лиц — бояр, дьяков и вообще «людей» как самого царя, так и Владимира Андреевича. И. И. Смирнов правильно отмечает, что эта новая редакция «свидетельствует о том, что внимание Ивана Грозного теперь привлекали не абстрактные «христианин», «литвин» и «иноверец», а гораздо более конкретные реальные фигуры князей, бояр, дьяков...»⁴¹. Однако выбор для данного и всего дальнейшего текста таких слов, как «слышев», «не слушати», «не утайти», «сказать правду» и т. д. ясно показывает, что здесь предусматривается возможность именно тайного заговора.

В записях 1554 г. имеется новая статья, обязывающая Владимира Андреевича участвовать на стороне царя или его наследника в борьбе против всех «недругов», даже если «который брат родной учинитца недругом сыну твоему, который будет на государстве, и отступит от него». В 1553 г. у царевича Дмитрия, против присяги которому якобы и вспыхнул «мятеж», не было ни одного брата. Теперь, в 1554 г., у новорожденного Ивана, на верность которому бралась запись, тоже еще не было братьев. Прецедентом, легшим в основу этой статьи, как справедливо и подчеркивает сам И. И. Смирнов, было то, что в борьбе за власть именно братья московских государей обычно становились центром сосредоточения враждебных сил. Последний раз это имело место в 30-х годах XVI в. Таким образом, и в данном случае не требовалось «мятежа» 1553 г., чтобы натолкнуть на включение такой статьи в запись.

После сказанного можно считать выясненным, что крестоцеловальные записи Владимира Андреевича 1554 г. единогласно со всеми другими источниками подтверждают рассказ автора приписок к Лицевым сводам о тайном заговоре группы бояр в 1553 г. С другой стороны, в них, как и следовало ожидать, не находится подтверждающей легенде 60-х годов о «мятеже» 1553 г.

Необходимо подчеркнуть, что правильное решение вопроса о событиях 1553 г. имеет большое значение, помогая разобраться в том, как и когда в действительности произошел раскол между Иваном Грозным, с одной стороны, Адашевым, Сильвестром и их единомышленниками, с другой; как и когда происходила перегруппировка сил в правящих кругах государства, какие истинные, а не вымышленные задним числом события были причиной целого ряда опричных казней.

Речь идет, таким образом, обо всей исторической перспективе 50-х, 60-х и частично (например, дело Висковатова) 70-х годов.

Речь идет, наконец, о правильной оценке важнейших исторических источников, из которых познаются многочисленные другие факты русской истории XVI в., о предпочтении достоверных источников тенденциозным, и о том, как из этих тенденциозных источников извлечь максимальное число объективных данных.

Если восстанавливать картину событий 1553—1554 гг. в соответствии с источниками, опираясь, в частности, на содержание крестоцеловальных записей Владимира Андреевича и просматриваемых через них завещаний Ивана Грозного, то картина эта предстанет в следующем виде.

В марте 1553 г. царь опасно заболел. Во время его болезни составил тайный заговор княжат — Семена Лобанова-Ростовского и других, — имевший целью в случае смерти царя возвести на престол Владимира Андреевича, сделав его покорным орудием своей политики. В заговоре активно участвовала мать Владимира Ефросинья Старицкая. Заговорщики ни в чем открыто не проявили (да и не могли проявить, не таково было соотношение сил) своих планов и целование креста на верность царско-

⁴⁰ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 174—178.

⁴¹ Там же, стр. 175.

му завещанию внешне прошло без всяких осложнений⁴². Когда царь поправился и надежды на осуществление заговора путем переворота после его смерти отпали, заговорщики продолжали свою деятельность. Но, не имея возможности рассчитывать на победу при помощи внутренних сил, они стали ориентироваться на Литву. В августе 1553 г. главарь заговора князь Семен Лобанов-Ростовский завязал активные сношения с литовским послом Довойном, сообщил ему важнейшие данные о внутривнутриполитическом положении государства, способствовал срыву заключения мирного договора между Русью и Литвой, договорился о совместных действиях заговорщиков с Литвой против правительства. Таким образом заговор приобрел большой размах. Царь и правительство к весне 1554 г. нащупали нити заговора. Над заговорщиками нависла угроза разоблачения.

Возможно, что информация Владимира Андреевича, узнавшего о заговоре от матери, раскрыла царю всю серьезность ситуации. Грозный консолидирует все политические силы, поддерживающие его власть. В качестве одной из важных мер, рассчитанных на то, чтобы выбить из рук заговорщиков знамя их борьбы и одновременно укрепиться единством с Владимиром Андреевичем, царь заключает с ним своеобразный внутривнутридинастический союз, оформленный в виде духовных грамот, с одной стороны, и крестоцеловальных записей, с другой. Эти документы предусматривают дружные совместные усилия в делах государственных — «везде за один» при жизни царя Ивана, опекунов и правление Владимира Андреевича на время малолетства царского наследника, в случае смерти царя. Полагаю, что именно верность и дружба Владимира Андреевича, проявленные им в это время, спасли его мать от расправы.

Зато в отношении других заговорщиков начинается энергичный сыск. Их забирают не сразу, чтобы полнее выявить круг связанных с ними лиц. Однако сведения о содержании новых крестоцеловальных записей, где специально говорится об Ефросинье, а также другие признаки облавы, доходят до заговорщиков. Попытки к бегству терпят провал. За Семеном Ростовским и другими заговорщиками следили. Они были схвачены и доставлены в Москву. Царь поручает правительству расследование этого серьезного дела. Допросы и пытки вскрыли полную картину заговора. Семен Ростовский был приговорен к смерти. Замена казни заточением была ему с трудом выхлопотана митрополитом.

В первое время после заговора царь пытался скрыть его значение и размеры перед иностранными державами. В наказе послам на случай, если за границей будут интересоваться этим событием, предлагалось сводить дело к «палаумству» князя Семена Ростовского⁴³.

Много позднее, спустя примерно 15 лет, в совершенно новых условиях, в эпоху новых отношений с прежними верными слугами и с Владимиром Андреевичем, царь к летописному рассказу о своей болезни под 1553 г. сделал приписку об имевшем тогда якобы место открытом «мятеже», где свел в один лагерь и тайных заговорщиков 1553 г. и тех, кто их судил в 1554 г. Если бы до нас не дошли его приписки, которые он делал до этого и, в частности, его рассказ о тайном заговоре, написанный раньше, на основании подлинного, взятого из архива следственного дела⁴⁴, тогда, быть может, этот поздний и тенденциозный рассказ о «мятеже» так и остался бы неразгаданным⁴⁵.

⁴² ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 230—231.

⁴³ Сб. РИО, т. 59, № 29, стр. 452—453.

⁴⁴ Ср. ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 238; ААЭ, т. I, № 289, стр. 347.

⁴⁵ Глава XIII вышедшей недавно книги И. И. Смирнова «Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI века» (АН СССР, М.—Л., 1958) является дословной перепечаткой его статьи о «мятеже» 1553 г. Соответственно, к названной главе относится все сказанное об этой статье в данной нашей работе, положения которой являются ответом и на критику нашего исследования о «мятеже» 1553 г., содержащуюся в кратком приложении «Об источниках для изучения «мятежа» 1553 г.» сделанном И. И. Смирновым в конце его новой книги. Добавлю только: И. И. Смирнов ука лывает в приложении, будто Грозный мог не знать, что Фуников, Курлятев и Палецкий примыкали к «мятежу» в 1553 г., а потому включил их в число судей. Однако рассказ о «мятеже» подчеркивает, что эти лица не сумели замаскировать своего активного в нем участия.

